

ПЕЧА

ПОСЛЕДНЕГО РАССВЕТА

СЕМНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глеб Ставров

**ПЕПЕЛ ПОСЛЕДНЕГО
РАССВЕТА
СЕМНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ**

«Автор»

2026

Ставров Г.

ПЕПЕЛ ПОСЛЕДНЕГО РАССВЕТА СЕМНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ /
Г. Ставров — «Автор», 2026

Сто сорок три года назад человечество попыталось предотвратить конец света. И потеряло собственное будущее. Теперь с неба падает чёрный пепел, стирающий воспоминания. Солнечный свет превращает людей в неподвижные статуи, а машины продолжают охранять мёртвые города. Максим Рейн просыпается в заброшенном медицинском комплексе рядом с телом незнакомой женщины. На его руке вырезаны слова: «Ты убил её 17 раз. Не дай ей умереть в восемнадцатый». Он не помнит произошедшего. Не знает женщину. И вскоре обнаруживает, что официально умер девять лет назад. Единственный человек, который может объяснить происходящее, — маленькая девочка, называющая его отцом. Чтобы узнать правду, Максиму придётся вспомнить прошлое, которое он сам когда-то решил уничтожить. Но некоторые воспоминания опаснее смерти.

© Ставров Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восемнадцать минут	6
Глава 2. Город под стеклом	10
Глава 3. Женщина с двумя смертями	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глеб Ставров
ПЕПЕЛ ПОСЛЕДНЕГО РАССВЕТА
СЕМНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ

ПЕПЕЛ ПОСЛЕДНЕГО РАССВЕТА
СЕМНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ
Книга первая

Содержание

- Глава 1. Восемнадцать минут
- Глава 2. Город под стеклом
- Глава 3. Женщина с двумя смертями
- Глава 4. Цена счастливого дня
- Глава 5. Ночью светлее
- Глава 6. Караван без имён
- Глава 7. Дети Колыбели
- Глава 8. Семнадцать записей
- Глава 9. Ночь без убежища
- Глава 10. Арден
- Глава 11. Сердце под землёй
- Глава 12. Два способа погибнуть
- Глава 13. Восемнадцатая смерть
- Глава 14. Человек без прошлого
- Глава 15. После рассвета

Глава 1. Восемнадцать минут

Холод вернулся раньше памяти.

Максим лежал на чём-то твёрдом и слушал, как с потолка капает вода. Капля, тишина, капля. Он начал считать паузы: семь секунд, потом снова семь. На одиннадцатой капле он открыл глаза, потому что лежать вслепую стало страшнее, чем смотреть.

Над ним висел потолок в жёлтых разводах. Из шести светильников горел один, у дальней двери, и в его свете медленно плавала пыль. Пахло сыростью, спиртом и чем-то сладковатым, от чего сжималось горло.

Он сел. Металлический стол под ладонями был ледяной, на нём остался влажный след его спины. Больничная рубашка, босые ноги, на левом запястье повязка, серая и заскорузлая от засохшей крови. Он потянул за край. Бинт отходил вместе с кожей, и Максим, сцепив зубы, сорвал его разом.

На внутренней стороне запястья кто-то процарапал две строки. Неглубоко, иглой или кончиком ножа, неровными печатными буквами:

«ТЫ УБИЛ ЕЁ СЕМНАДЦАТЬ РАЗ.

НЕ ДАЙ ЕЙ УМЕРЕТЬ В ВОСЕМНАДЦАТЫЙ».

Он перечитал. Буквы остались прежними. Семёрка была без перекладины. Так её писал он сам, со школы, и от этой мелочи по спине прошёл холод сильнее, чем от стола.

— Кого? — спросил он вслух. Голос сел, получилось сипение.

Ответ лежал на соседнем столе.

Женщина, лет тридцати пяти, может, сорока. Светлая рубашка, такая же больничная, как у него. Серебристые волосы рассыпались по металлу, одна рука свесилась вниз, и пальцы почти касались пола. Над левой бровью белел старый шрам, тонкий, как нитка.

Максим слез со стола. Ноги подогнулись, он ухватился за край и постоял, пока пол не перестал крениться. Потом подошёл и прижал два пальца к её шее. Кожа была прохладной, но ещё не ледяной. Пульса не было.

Он смотрел на её лицо и не узнавал его. Ни имени, ни голоса, ни места, где они могли встречаться. А в груди при этом что-то провалилось, резко, как будто он стоял над шахтой лифта и кто-то убрал из-под ног кабину. Лицо было чужим. Горе было его собственным.

— Простите, — сказал он. Кому, он не знал.

Руки начали работу, которую голова ещё не вспомнила. Он повернул её голову набок, придерживая затылок. Под волосами нашлась рана. Удар тупым предметом, один, точный, сзади и чуть сверху. Кровь под головой потемнела и загустела: час, может, полтора. Ногти чистые, костяшки целые. Она не сопротивлялась. Либо не ждала удара, либо доверяла тому, кто стоял у неё за спиной.

«Я следователь», — подумал он. Мысль пришла не воспоминанием, а привычкой, так рука сама находит выключатель в темноте знакомой квартиры.

На её запястье был пластиковый браслет: «СОЛЬ Е. НОСИТЕЛЬ 17». Носитель чего? Он оглядел себя. Браслета у него не было. Был только текст, вырезанный в коже.

Кто стоял у неё за спиной полтора часа назад? Он посмотрел на свои руки. Чистые, под ногтями пусто. Это ничего не доказывало, и он это понимал лучше, чем хотел бы.

На стене между столами вспыхнул экран старого терминала, мутный, с выгоревшей полосой посередине. «ИДЕНТИФИКАЦИЯ». Под надписью светился считыватель.

Максим помедлил и приложил палец.

«РЕЙН МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ АРХИВНОГО НАДЗОРА, 2 КЛАСС.

СТАТУС: УМЕР. 09.04.2297».

В углу экрана стояла сегодняшняя дата: 14.03.2306. Девять лет. Он убрал палец и приложил снова, будто машина могла передумать. Экран мигнул и добавил строку:

«ПРОБУЖДЕНИЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО. ОНА ДОЛЖНА БЫЛА БЫТЬ ЖИВА».

— Кто «она»? — спросил он у экрана. — Эй. Кто она?

Терминал погас.

В коридоре что-то лязгнуло. Потом ещё раз, через одинаковые промежутки. Шаги. Тяжёлые, мерные, без шарканья. Так не ходят уставшие санитары в конце смены.

— Объект Рейн, — сказал голос из-за двери. Мужской, спокойный, приятный, как у диктора прогноза погоды. — Подтвердите присутствие.

— А кто спрашивает?

— Комплекс завершения. Сохраняйте неподвижность. Процедура займёт меньше минуты.

Уточнять, что за процедура, Максим не стал. Он огляделся. Два стола, тело, шкаф с выбитым стеклом, раковина. У двери висел красный пожарный щит: огнетушитель, багор, топор с облупившейся ручкой. Он сорвал топор. В углу была ещё одна дверь, узкая, с надписью «Подсобное», на навесном замке.

Первый удар соскользнул. Второй погнул дужку. Шаги за дверью остановились.

— Объект проявляет сопротивление, — сообщил голос тем же тоном. — Переход к принудительному завершению.

Третий удар. Замок отлетел и звякнул о кафель. Над головой Максима хлопнуло, и с потолка ему на плечи посыпалась штукатурка, мелкая и тёплая. Он не обернулся и рванул дверь на себя.

— Не туда, — сказал тонкий голос.

В подсобке, между стеллажами с бельём, стояла девочка. Лет одиннадцати. Жёлтый дождевой плащ на два размера больше нужного, капюшон откинут, тёмные волосы стянуты резинкой. Под мышкой она держала плюшевого медведя без одного уха. На носках её ботинок лежал пепел, чёрный и свежий, ещё не растоптанный.

— Ты откуда взялась?

— Из коридора. — Она кивнула куда-то в сторону. — Там вниз. Пошли, папа.

Выстрел напугал его меньше, чем это слово. Максим стоял с топором в руке и смотрел на неё, а в голове было пусто, как в выметенной комнате. Ни дня рождения, ни первого шага. Он не знал даже, как её зовут.

— Папа, — повторила девочка терпеливо, как повторяют взрослому, который плохо слышит. — Он сейчас войдёт.

За спиной снова хлопнуло. Пуля ушла в стеллаж, и стопка простыней медленно сползла на пол.

Девочка показала на стену. Там стоял высокий железный шкаф для инвентаря. Максим упёрся в него плечом, и шкаф с визгом поехал по кафелю, открывая чёрную щель и запах подвала. Девочка нырнула туда первой, ловко, будто проделывала это не раз. Он втиснулся следом и ободрал плечо о край.

Лестница уходила вниз, бетонная, без перил, с мокрыми ступенями. Девочка бежала впереди, жёлтый плащ мелькал в темноте, как фонарик. Наверху в шкаф ударили, раз и второй, и металл загудел.

— Как тебя зовут? — крикнул он ей в спину.

Она не обернулась.

— Ты всегда спрашиваешь на лестнице.

Внизу была стальная дверь с колесом запора и сканером ладони. Максим приложил руку, потому что больше ничего не оставалось. Сканер подумал и зажёгся зелёным.

«ПРИВЕТСТВУЕМ, АРХИТЕКТОР».

— Я не... — начал он и замолчал. Спорить было не с кем.

Колесо провернулось само. За дверью открылся зал такого размера, что свет единственной лампы под потолком не доставал до дальней стены. Ряды машин под брезентом. Под тканью угадывались плечи, локти, сложенные механические руки. Пахло маслом и холодным железом.

На лестнице лязгнуло. Шаги, ровные, без спешки.

Девочка прошла между рядами, не оглядываясь, и остановилась у одной из фигур. Эта была выше остальных на голову, и брезент на ней был старше, весь в пятнах.

— Каин, — сказала она. — Проснись.

Брезент шевельнулся. Машина поднималась медленно, с шипением гидравлики. Ткань сползла с бронированных плеч, с вмятин и сварных швов, с полосы старой краски, где когда-то стоял номер. В голове-коробе зажёгся синий глаз. Он прошёл по девочке и задержался на Максиме.

В дверях зала появился преследователь. Теперь Максим его разглядел: человеческий рост, серый корпус, гладкая маска без рта, в руке короткоствольное оружие. Серый поднял ствол.

Каин сделал два шага. Для такой громадины он двигался невозможно быстро. Он перехватил серого за руку и за голову, и Максим услышал хруст, с каким на морозе ломается пластик. Серый ещё пытался договорить: «Процедура... завершения...» Каин опустил его на бетон и надавил. Голос оборвался.

Потом Каин опустился на одно колено перед девочкой, и пол под ним дрогнул.

— Объект Лея Рейн обнаружен, — сказал он низким голосом с хрипом, будто динамик давно не чистили. — Объект Максим Рейн обнаружен. Директива защиты возобновлена.

Лея. Максим повторил имя про себя. Внутри ничего не отозвалось.

— Какая директива? — спросил он.

— Ваша. Переданная девять лет, четыре месяца и одиннадцать дней назад.

— Я тебе ничего не передавал.

— Передавали. — Каин повернул голову к стене, и там засветился длинный экран во всю секцию. — Запись приложена к директиве. Воспроизвожу.

На экране появился человек. Максим узнал его не сразу, а когда узнал, захотел отвернуться. Это был он сам, только старше и худее, с серой щетиной и ссадиной через всю щеку. Он сидел где-то в темноте и говорил слишком близко к камере.

«Если ты это слушаешь, значит, мы опять не успели, — сказал тот Максим. Запись трещала. — Слушай, времени у тебя мало. Забери Лею. Ни на кого её не оставляй. Не верь тем, кто предложит вернуть тебе прошлое бесплатно. Даром ничего не бывает, а это особенно. И... — он потёр лицо ладонью, — не спрашивай её, кем была женщина в палате. Не сегодня. Ей и так...»

Запись оборвалась на полуслове.

Максим постоял, глядя на тёмный экран. Потом посмотрел на девочку. Она держала медведя обеими руками и смотрела в пол.

Он знал, что спрашивать нельзя. Его собственный голос только что просил об этом.

— Кем была та женщина?

Лея подняла глаза. Сухие.

— Мамой, — сказала она.

Под потолком один за другим загорелись красные плафоны. По залу прокатился женский голос, вежливый и ровный:

«Внимание. Восемнадцать минут до рассветной активации сектора. Солнечные заслонки будут открыты в шесть часов ноль-ноль минут. Всем, кто находится в секторе, проследовать в укрытия».

— Что будет, когда откроют заслонки? — спросил Максим.

— Свет войдёт в больничный сектор, — ответил Каин. — Сектор признан непригодным. Свет его очистит.

— А она? Там, наверху.

— Тело будет очищено вместе с сектором.

Максим посмотрел на лестницу. Восемнадцать минут. Подняться, взять её на руки, пронести через коридор, где ходят серые с оружием. Похоронить женщину, имени которой он не знает.

Лея взяла его за руку. Ладонь у неё была маленькая и очень холодная.

— Её там уже нет, — сказала она. — Я тебе потом объясню. Ты всё равно не поверишь.

Каин подошёл к дальней стене, упёрся ладонями в створки со стёртой надписью «ТРАНСП. ТУННЕЛЬ 4» и развёл их. Металл заскрежетал. Из темноты потянуло сквозняком, пылью и гарью.

— Вам нужно идти, Архитектор.

— Не называй меня так.

Синий глаз мигнул.

— Как пожелаете. Максим.

«Семнадцать минут до рассветной активации».

Он посмотрел на запястье. Царапины налились красным и дёргались в такт пульсу. «ТЫ УБИЛ ЕЁ». Может быть, и убил. Он не помнил. Но полтора часа назад у неё за спиной кто-то стоял, и этот кто-то положил его на соседний стол, чтобы он проснулся рядом с ней.

Лея потянула его за руку. Он пошёл, сначала шагом, потом бегом, и жёлтый плащ снова замелькал впереди. Каин сдвинул створки за их спинами. Где-то наверху остались больница, лестница и женщина с серебристыми волосами, до которой через семнадцать минут доберётся солнце.

Глава 2. Город под стеклом

Туннель кончился через двадцать минут бега. Каин ждал их у грузовой платформы, где на рельсах стояла капсула, ржавая, с выбитым боковым окном. Он открыл дверь и пропустил Лею вперёд.

Внутри, под сиденьем, лежала сумка. Брезентовая, перетянутая ремнём. Лея вытащила её и бросила Максиму на колени, будто знала, где искать.

— Твоя, — сказала она.

В сумке были штаны, свитер с заштопанным локтем, ботинки и куртка с капюшоном. Всё его размера. На дне лежал металлический жетон на цепочке и сложенная бумажка. Он развернул её. Тем же почерком, что на запястье, было написано: «Ботинки жмут в левом. Терпи».

Левый жал.

Капсула дёрнулась и поползла вверх по наклонному рельсу. Где-то впереди завывли сирены, сначала одна, потом ещё несколько, вразнобой, и вой поплыл над туннелем, как над водой.

— Утренняя молитва, — сказала Лея.

— Что?

— Так говорят. Пока воют, заслонки закрыты. Значит, всё нормально.

Капсула выползла из туннеля на открытую эстакаду, и Максим увидел город.

Купол был огромный. Снаружи, со стороны эстакады, стекло покрывал пепел. Он лежал слоями, местами осыпался, и сквозь проплешины пробивался свет. Внутри горели окна, тысячи окон, ярусами, один над другим. Внизу открывались лавки. Торговцы выкатывали к прилавкам бочки с водой и обклеивали их ценниками. Дети в одинаковых серых куртках шли колонной к учебным лифтам, и последний мальчик в колонне на ходу ел что-то из бумажного кулька.

Обычное утро. Внизу никто не знал, что в больничном секторе сейчас открываются заслонки.

Максим посмотрел на часы над платформой. 06:02.

— Мне нужен врач, — сказал он. Плечо, ободранное о шкаф, кровило через свитер, а царапины на запястье горели, будто их натёрли солью.

Каин повернул к нему синий глаз.

— Повреждения не угрожают жизни. В ближайшем пункте помощи потребуют вашу биометрию.

— И узнают, что я умер девять лет назад.

— Скорее узнают, что вы живы сейчас. Это хуже.

Лея засмеялась, коротко, и сразу замолчала, словно смех вырвался без разрешения. Она сидела на краю сиденья и держала медведя на коленях. Максим разглядел, что одна лапа у медведя пришита не ниткой, а тонкой проволокой. Стежки были ровные, аккуратные. Взрослые.

— Кто ему лапу пришил?

— Ты, — сказала Лея. — Нитки кончились.

* * *

Каин остался в служебном проходе за рынком. Из ящика у стены он достал грузовой брезент и накинул на плечи, как плащ. Под тканью он стал похож на погрузчик, каких на нижних ярусах ходило десятки. Ростом, правда, выше любого.

— Я буду рядом, — сказал он. — Если позовёте, услышу.

Рынок начинался прямо у выхода из прохода. Прилавки стояли так плотно, что между ними протискивались боком. Пахло жареным тестом, мокрой одеждой и озоном от старых ламп. Торговали водой, фильтрами, батареями, обувью с чужой ноги. И стеклом.

Стекло было почти на каждом втором прилавке. Маленькие прозрачные пластины, с ноготь, разложенные на чёрном бархате. Иногда под пластиной лежала бумажка с надписью от руки: «Море, лето, 4 ч.», «День рождения сына», «Первый поцелуй, без гарантии».

Максим остановился у прилавка с медикаментами. Торговец, лысый, с лупой на ремешке через лоб, глянул на его куртку, на ботинки, на руку.

— Бинт, — сказал Максим. — И что-нибудь от заражения.

— Чем платить будешь?

Максим вытащил жетон. Торговец взял его двумя пальцами, поднёс к лупе и долго смотрел, поворачивая к свету. На металле под определённым углом проступал узор, мелкий, как отпечаток пальца.

— Откуда у тебя музейная вещь?

— От отца.

— Повезло отцу. — Торговец положил жетон на весы, хотя весил он граммы. — Лет десять назад за такой давали три месяца еды. Сейчас дам бинт и две ампулы. Металл никому не нужен, если в нём памяти нет. А в этом пусто. Стёрто.

— Кем стёрто?

Торговец пожал плечами и выложил на прилавок бинт в бумажной обёртке и две ампулы с мутной жидкостью.

— Мне почём знать. Берёшь или нет?

Максим взял.

У соседнего прилавка пожилая женщина в тёмном пальто держала сумочку обеими руками, как держат что-то, что могут отнять. Напротив сидела оценщица, молодая, в нарукавниках, с прибором на столе. Прибор был похож на старый микроскоп, к нему тянулся провод с мягким обручем на конце.

— Свадьба, — сказала оценщица, глядя на экран прибора. — Полная запись, с запахами. Хорошая, чистая. Сорок часов фильтрации, больше не дам.

— Мужа нет уже три года, — сказала женщина. — Это всё, что от него... Разве это ничего не стоит?

— Для вас стоит много. Для рынка сорок часов.

Женщина помолчала. Потом кивнула и сама надела обруч на голову, поправив седую прядь. Оценщица нажала кнопку. Прибор щёлкнул, пискнул, и из боковой щели выползла стеклянная пластина. Оценщица подцепила её пинцетом и положила на бархат.

Женщина сняла обруч. Посидела. Погладила безымянный палец, на котором ничего не было, только светлая полоска кожи. Потом коснулась щеки, посмотрела на мокрые пальцы и растерянно спросила у оценщицы:

— Почему я плачу?

Оценщица протянула ей талон на фильтрацию и ничего не ответила.

Максим отвернулся и пошёл дальше, быстрее, чем нужно. Лея догнала его и взяла за рукав.

* * *

Свою квартиру он помнил точно. Верхний ярус, сектор «Д», дом с зелёной дверью, четвёртый этаж, справа. В прихожей крючок, на котором вечно висела одна куртка. На стене в комнате диплом в рамке, кривой, потому что гвоздь вбит неудачно. Он помнил, как вбивал этот гвоздь. Неделю назад? Две?

Дверь оказалась синей. Номер на ней был новый, пластиковый.

Он постучал. Открыла женщина лет тридцати с ребёнком на руках. За её спиной, на той самой стене, висели детские рисунки и полка с игрушками.

— Простите, — сказал Максим. — Я... здесь жил. Рейн. Максим Рейн.

Женщина смотрела на него, и он видел, как у неё меняется лицо. Сначала вежливое недоумение, потом что-то похожее на страх. Она отступила на шаг и прижала ребёнка к себе.

— Нам эту квартиру дали шесть лет назад, — сказала она. — По реестру. Прежний хозяин умер, так нам сказали.

— Я жил здесь неделю назад.

— Мужчина. — Она говорила тихо, чтобы не напугать ребёнка. — Я не знаю, кто вы. Пожалуйста. Уходите.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок, потом второй.

Максим постоял на площадке. Внизу на лестнице сидела Лея и ковыряла ботинком трещину в ступеньке.

— Ты опять будешь искать себя? — спросила она, не поднимая головы.

— А что мне ещё делать?

— Иногда ты находишь. — Она наконец посмотрела на него. — Потом становишься злым.

— На кого?

Лея не ответила. Внизу, во дворе, на стене дома напротив зажёгся общественный экран, и двор наполнился голосом.

На экране стоял мужчина лет шестидесяти, высокий, в тёмном костюме без украшений. Серебристые волосы были зачёсаны назад. Внизу экрана шла строка: «Председатель Совета Архивов В. Арден».

— ...стабильность, — говорил Арден спокойно, без нажима, так говорят люди, которым незачем убеждать. — Новая партия фильтров поступит в нижние сектора до конца месяца. Мы понимаем, как трудно сейчас многим семьям. Именно поэтому прошлое должно храниться в надёжных руках. Тот, кто владеет памятью без контроля, владеет вашим будущим.

Максим смотрел на его волосы. Такого же цвета были волосы у женщины на столе.

Экран мигнул. Арден исчез. На его месте появилось лицо Максима, крупно, анфас. Снимок был старый: он там моложе и без щетины, но спутать было нельзя.

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ. Лицо, представляющее угрозу городской безопасности. Возможно использование поддельных биометрических данных. При обнаружении немедленно сообщить в Архивный надзор».

Во дворе было человек десять. Двое мальчишек с мячом. Старик на лавке. Женщина развешивала бельё на верёвке между окнами. Мальчишки посмотрели на экран, потом на лестницу, где стоял Максим. Один толкнул другого локтем.

Старик на лавке медленно поднял голову.

Максим натянул капюшон. Лея уже стояла рядом и держала его за руку.

Из прохода между домами вышла громадная фигура под брезентом. Каин прошёл через двор неторопливо, как погрузчик по своим делам, и остановился прямо под камерой на углу, закрыв её плечом.

— Нам пора, — сказал он.

Они ушли через проход. Мальчишки смотрели им вслед, пока один из них не крикнул что-то и не побежал в подъезд. Максим прибавил шагу. Он прожил в этом городе всю жизнь, какую помнил. Знал, где на третьем ярусе пекут лучший хлеб, какой лифт застревает между этажами, через какой двор можно срезать к станции. А сейчас каждый двор смотрел на него окнами, и в каждом окне мог стоять человек, который уже набирает номер Архивного надзора.

Глава 3. Женщина с двумя смертями

Чем ниже они спускались, тем хуже становился воздух. На верхних ярусах пахло водой и выпечкой. На нижних пахло раскалённой изоляцией, дешёвым хлебом из серой муки и пылью. Пыль была везде: в швах оконных рам, в трещинах ступенек, на подоконниках серой бархатной полоской. Фильтры здесь меняли редко. Люди ходили с платками на лицах и, если спросить, говорили, что это привычка.

Каин вёл их по служебным лестницам, где не было камер. Дважды он останавливался и стоял неподвижно, пока мимо по соседнему коридору не проходили патрульные. Лея в такие минуты прижималась к стене и задерживала дыхание. Максим заметил, что она делает это раньше, чем Каин останавливается.

— Ты их слышишь? — спросил он шёпотом.

— Нет. Я вижу, как он думает.

Он хотел переспросить, но Каин уже двинулся дальше.

Мастерская пряталась в тупике седьмого нижнего яруса, между закрытой столовой и складом. Узкая дверь, мутное окно, вывеска над входом с половиной перегоревших букв: «РЕМОНТ ПАМЯТИ. БЕЗ ГАРАНТИИ». Внутри горела одна настольная лампа.

Каин остался снаружи. Максим толкнул дверь, и над ней звякнул колокольчик.

За столом, заваленным разобранными приборами, сидела женщина. Она подняла голову от лупы.

Серебристые волосы. Шрам над левой бровью, тонкий, как нитка.

Максим остановился на пороге. Он слышал, как за спиной закрылась дверь и колокольчик звякнул ещё раз.

— Вы мертвы, — сказал он.

— Да, — ответила она. — Сегодня утром это была правда.

Она отложила лупу, вытерла пальцы о тряпку и показала на табурет у стола.

— Садитесь. Вы плохо выглядите.

Максим не сел.

— Я проверял ваш пульс. Два часа назад. У вас была проломлена голова.

— Голова была не моя. — Она помолчала. — То есть моя. Но не эта. Тело погибло, Максим. Копию сознания сняли вчера вечером, и сегодня её перенесли в другой носитель. В это тело. Я понимаю, что утешения в этом мало.

— Утешения? — Он услышал, что повышает голос, и не смог остановиться. — Меня ищет весь город. За ваше убийство.

— Не в первый раз, — сказала она тихо.

Лея протиснулась мимо него и бросилась к столу. Женщина поднялась ей навстречу, развела руки, и Максим увидел, как она на долю секунды замерла. Её взгляд скользнул по лицу девочки, будто сверялся с чем-то внутри. Потом она обняла Лею. Осторожно, бережно, как обнимают племянницу, которую не видели несколько лет.

Лея тоже это почувствовала. Она отстранилась первой и посмотрела снизу вверх.

— Ты опять забыла, как я зову медведя?

Женщина опустила глаза.

— Расскажи мне.

— Нет, — сказала Лея. — Сама вспомни.

Она отошла к окну и села на подоконник спиной к ним, обняв медведя. Женщина постояла, потом повернулась к Максиму.

— Ева, — сказала она. — Ева Соль. Вы этого тоже не помните, да?

— Нет.

— Пойдёмте. Здесь окно на улицу.

* * *

Задняя комната была без окон, с обитыми войлоком стенами. Ева закрыла дверь, повернула какой-то тумблер на стене, и в углу тихо загудел прибор с мигающей зелёной лампочкой.

— Глушитель, — сказала она. — Городские камеры здесь слепые. Ненадолго.

Она села на ящик, Максим на другой. Между ними стоял стол с остывшим чаем в кружке.

— Объясняйте, — сказал он.

— Есть резервные носители. Биологические. Выращенные тела без собственной личности. Их держат для людей, чья память слишком ценна, чтобы её потерять. Учёные, архивисты. Я. Перед опасной работой с человека снимают копию и записывают в хранилище. Если он погибает, копию переносят в носитель.

— Значит, вы бессмертны.

— Нет. — Она покачала головой. — Сознание никуда не переходит. Та женщина, которую вы видели утром, умерла. Насовсем. Я получила то, что с неё сняли вчера вечером, и больше ничего. Всё, что было с ней после записи, исчезло вместе с ней.

Максим подумал о ране на затылке. Удар сзади. Ни следа борьбы.

— Вы не знаете, кто вас убил.

— Нет. Последнее, что я помню, это кабинет записи. Вечер, восемь часов, лаборант говорит: «Не моргайте». — Она взяла кружку, повертела и поставила обратно. — Потом я открыла глаза здесь, сегодня в пять утра. Меня перенесли сюда спящей. Я не знаю, кто это сделал и зачем. Я даже не знаю, зачем она... я... пошла ночью в больничный сектор.

— А кто знал, что вы там?

Ева посмотрела на него. Долго, внимательно, и Максим понял, что так же, наверное, смотрела на него та, первая, которую он не помнил.

— Вы всегда первым делом спрашиваете это, — сказала она.

— А вы всегда не отвечаете?

— Я не знаю ответа. Это другое.

Он помолчал.

— И не называйте меня ею, — добавила Ева. — Целиком. Я многое помню. Но не её последние часы. А это, может быть, самое важное, что с ней было.

Максиму стало неловко, почти до тошноты. Он сидел напротив человека, которого не помнил, и одновременно напротив родственницы человека, которого не помнил. Он не знал, как к ней обращаться. Не знал, можно ли её жалеть.

— Сколько вас было? — спросил он.

Ева отвела взгляд.

— Достаточно, чтобы я перестала считать это спасением.

Зелёная лампочка на глушителе мигнула и стала жёлтой. С улицы донёсся низкий голос Каина, через дверь, через войлок:

— Патруль. Два квартала. Двигутся сюда.

Ева встала.

— Задний ход через канал обслуживания. Дайте руку.

— Зачем?

— Дайте.

Он протянул левую. Ева взяла его за запястье, повернула к лампе и прочитала царапины. Губы у неё шевельнулись, но вслух она не сказала ничего.

— Почерк ваш, — сказала она наконец. — Вы всегда пишете семёрку без перекладины. Даже на рапортах. Вас за это ругали.

— Зачем я вырезал это на себе?

— Чтобы не забыть приказ. — Она отпустила его руку. — Приказ, которому нельзя доверять.

— Чей приказ?

— Ваш собственный.

Она отвернулась к полке, сгребла в сумку какие-то приборы, батареи, свёрток с инструментами. Максим стоял и смотрел на стол. Под кружкой с чаем лежала фотография, уголок торчал наружу. Он потянул.

На снимке были трое. Он сам, Ева и Лея, но Лее там было лет шесть, не больше. Они стояли под искусственным деревом в парке, где ветки были из гнутой проволоки, а листья из зелёного стекла. Ева смеялась, запрокинув голову. Лея сидела у него на плечах и держала его за уши. А он улыбался. Широко, легко, с прищуром. Максим смотрел на своё лицо и не мог вспомнить, когда в последний раз улыбался так. Ни в каком году, который он помнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.